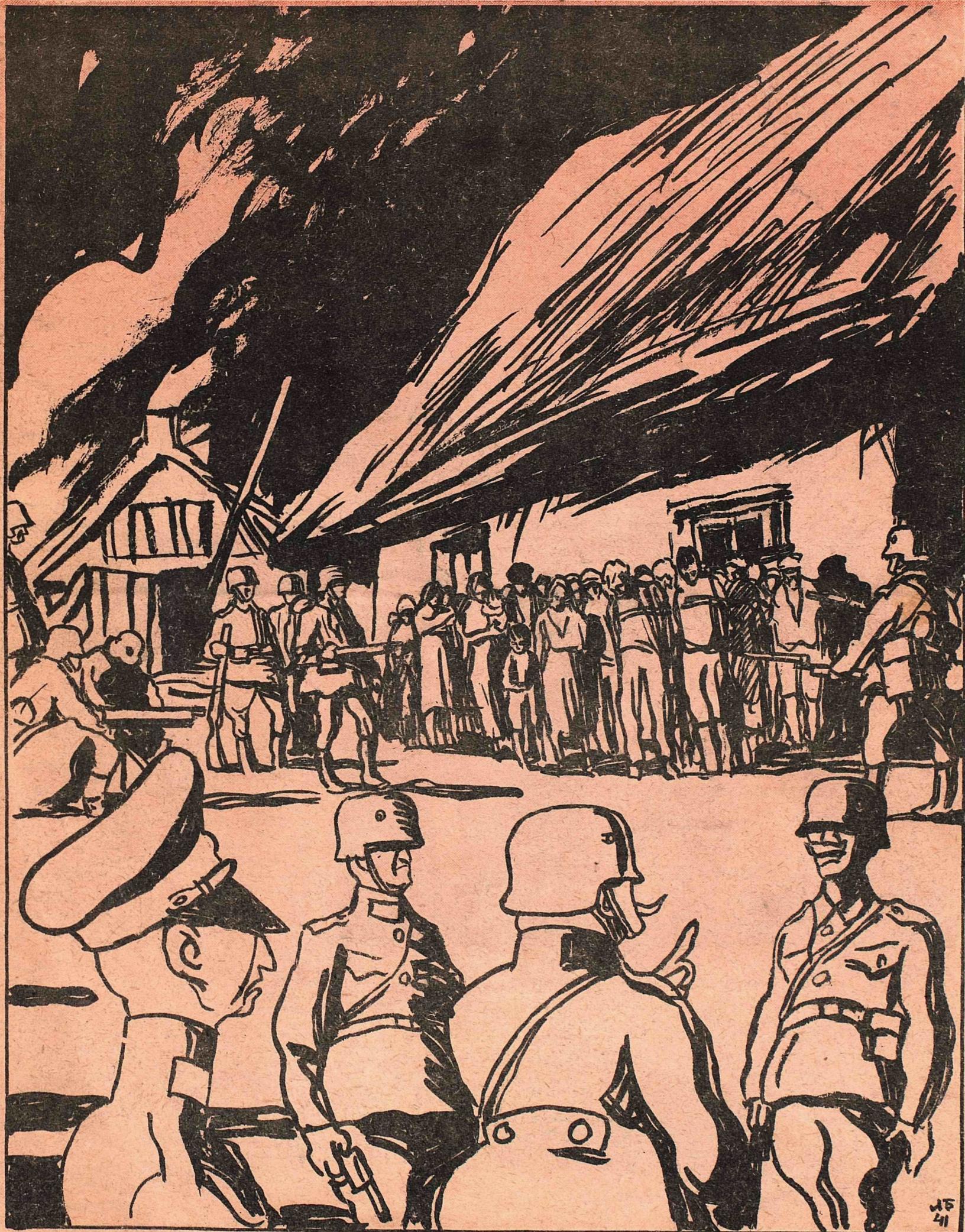

К Р О К О Д И Л

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

— Вот люди, зверски расстрелянные большевиками. Оформите это в течение часа. Понятно?

Рис. Л. Бродетсы

Немецкие солдаты, за которых думает „фюрер“.

Немецкие солдаты, которые думают сами за себя.

В БЕРЛИНЕ, В ОЧЕРЕДИ

МЯСНИК: — В ознаменование победоносной blitzвойны с русскими фюрер приказал выдать сосиски.

— Только бы он не назвал эти сосиски: блидсосисками.

— Почему?

— О, тогда нам придется ждать их долгие годы.

Полный ажур

БУХГАЛТЕР (Алексей Иванович Семушкин) последний раз лазил на крышу лет двадцать назад с чисто спортивной целью: погонять голубей. На заре своей туманной юности Семушкин увлекался турманами. Худенький гимназист Лешка стоял, запрокинув голову, у слухового окна и смотрел, как рыжие турманы кувыркались в московском небе.

И вот теперь располневшему, уже седеющему Семушкину — всеми уважаемому члену месткома и отцу семейства — снова пришлось подняться на крышу. Бухгалтер стоит, запрокинув голову, у слухового окна и смотрит, как в московском небе вспыхивают рыжими турманами шрапнельные разрывы.

В столице ночная воздушная тревога. Бухгалтер Семушкин стоит на пожарном посту.

Алексей Иванович совершенно спокоен. Будто всю жизнь только и знал он, что лазать в кромешной тьме по высоченным крышам и гасить зажигательные бомбы. Если и побавляется немного Семушкин, так не за себя, а за жену — Марию Митрофановну. Как-то она там, внизу? Сможет ли заснуть в убежище?

Размышления бухгалтера неожиданно обрывает голос самой Марии Митрофановны.

— Леша! — зовет она со двора. — Леша! Возьми хоть шарфик... Простудился! При твоём-то здоровье...

Бухгалтер не успевает ответить. Вынырнувший из-за облака самолет гудит совсем близко. Вокруг начинается отчаянная пальба. К громоподобному жору артиллерии присоединяются могучие ружья зенитных пулеметов.

Алексей Иванович не видит фашистского самолета, но вдруг слышит тонкий, противный свист... Несколько огненных мячиков с грохотом падает на крышу.

«Зажигалки!» — соображает Семушкин и бросается к бомбам, на ходу натягивая капюшон.

Последующее происходит очень быстро: схватив одну из бомб за стабилизатор, Семушкин швыряет ее во двор, другую, разгоревшуюся, засыпает песком. С остальными расправляются жилец из пятой квартиры Андрей Афанасьевич и дворник Гриша.

Только теперь, когда угроза пожара ликвидирована, Алексей Иванович позволяет себе на минуту опять превратиться в бухгалтера:

— Сальдо в нашу пользу! — весело говорит он.

— Наша взяла! — отзывается Гриша.

— Подытожим, — предлагает Семушкин. — Две угодили в мою сторону, одна на голубятню. А у вас, Андрей Афанасьевич? Три? Итого шесть. И так, приход — шесть, расход — шесть. Баланс в ажуре!

— А чего их считать? — замечает Гриша. — За хвост, да в воду. Всего и делов!

— Не говорите! — протестует бухгалтер. — Бомбы счет любят... Представьте, упали семь, а потушили только полдюжины... Из-за одной вся работа насмарку. Нет, тут все должно быть в полном ажуре!..

Алексей Иванович оказался прав. В ту же ночь дружинники убедились, что бухгалтерия бывает полезной и на крыше.

Под упор на дом упали еще четыре бомбы. Семушкин прекрасно видел, что их было не три и не пять, а именно четыре. Но потушить удалось только три. Четвертую никак не могли обнаружить.

— Вот видите! — кричал бухгалтер. — Беда! Баланс не сходится.

Дружинники снова облазили всю крышу и обшарили чердак.

— Сюда! — вдруг крикнул Андрей Афанасьевич и ринулся вниз по лестнице.

Оказывается, четвертая бомба попала прямо в слуховое окно и через открытую дверь чердака полетела на лестничную площадку.

Дружинники прибежали сюда слишком поздно. Их опередили. Какая-то женщина в пожарном капюшоне деловито прихлопывала лопатой кучу песка, под которой луже была похоронена фашистская «зажигалка». Баланс находился в полном ажуре!

Когда женщина сняла капюшон, все увидели, что это бухгалтерова жена Мария Митрофановна.

Е. и С. ШАТРОВЫ

— Вот что, голубчик, перелицуйте и выкройте из этого успехи нашего оружия.

Чудеса

Рано утром, вечером
Поздно, на рассвете,
Треплет Гейббельс прыжком
У себя в газете.

Узнаем о чудесах
Из фашистской сводки:
Немцы сбили в небесах
Три подводных лодки.

Провалился Ленинград,
Утекла Фонтанка.
Окружил один солдат
Три советских танка.

Расстрелял он в пух и прах
Из противоплаза
Две дивизии в горах
Южного Кавказа.

Наш пехотный капитан,
Будучи в разведке,
Вышел в Тихий океан
На мотоциклотке.

Из Тибета шлет Мадрид
Шведских крестоносцев.
Протаранил «Мессершмитт»
Двадцать броненосцев.

А затем, войдя в пинг,
С помощью турели
Наловил в Москве-реке
Триста тонн форели.

Рано утром, вечером
Поздно, на рассвете,
Треплет Гейббельс прыжком
У себя в газете.

С. МАРШАК,
А. РАСКИН,
М. СЛОБОДСКОЙ

Кофе по-варшавски.

Эпизод

Ефрейтор Швейнкоф на поляне лесной
 Солдатам своим говорил под сосной:
 «Зольдатея! Что значит «ура» и штыки?
 «Ура» и штыки — это есть пустяки!
 Кто будет бояться «ура», тот есть трус!..»
 И вдруг где-то рядом послышался хруст,
 И вдруг где-то рядом, как выстрел: «Уррра-а!»
 А в сердце как будто удар топора!
 Секунда — и нет под сосною солдат,
 Винтовки одни под сосною лежат
 И с ними Швейнкоф... Убежать он не смог:
 Хотел бы и он, да... не чувствовал ног!..

* * *

Все тихо... В чем дело?.. Один за другим
 Вернулись солдаты к винтовкам своим.
 Ефрейтор почувствовал силу в ногах.
 Ефрейтор разносит солдат в пух и прах:
 «Бараны! Бабье! Не солдаты вы — сброд!
 Узнал бы об этом наш фюрер... Мейн готт!
 Он вас расстрелял бы, как мерзких скотов!
 Со страху вам чудится чорт знает что!..»
 И вдруг слышит снова ефрейтор: «Уррра-а!»
 А в сердце как будто удар топора!..
 И пусто опять на поляне лесной.
 Уже и ефрейтора нет под сосной.

* * *

Старушка-ворона на ветке сидит.
 Старушка-ворона на землю глядит.
 «Ха-ха! Пррезабавная, прраво, игрра!..»
 И снова вдогонку ефрейтору: «Кррра-а!»

* * *

Небитый фашист и форсит и храбрится,
 А битый фашист и вороны боится.

Н. КОЛЕСНИКОВ

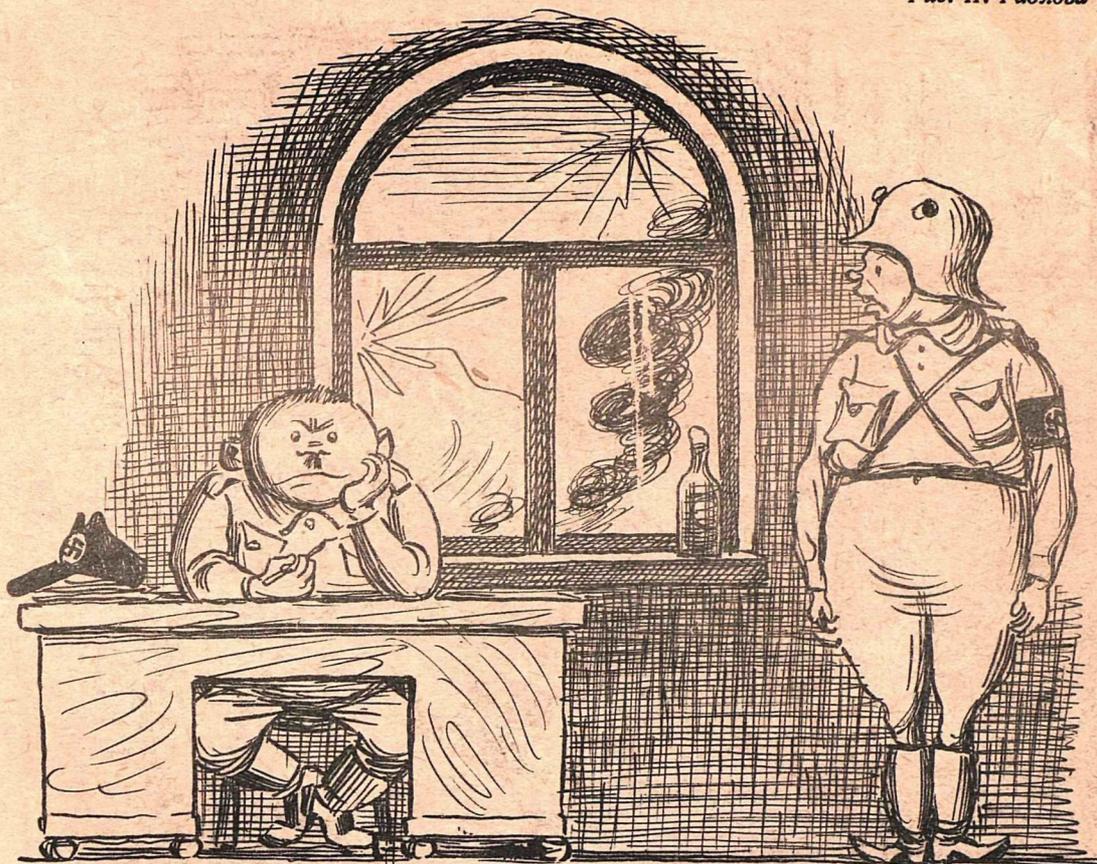
В Берлине обер-лейтенанту Швай проходу.

В Белорус

...жену женщины буквально не давали

— Нужно передать сообщение в генеральный штаб, что в городе все спокойно, а я не знаю, как это сделать: почта и телеграф горят, а на улицу из-за стрельбы невозможно выйти.

Мы, Филипп...

КАК известно, Петэн всякое свое выступление начинает словами: «Мы, Филипп...» Это звучит очень торжественно. Почти покоролевски.

Пускай французы чувствуют, что старик обладает такой полнотой власти, что позволяет себе даже некоторую роскошь и говорит о себе во множественном числе.

Тем более что немцы против этого не возражают. Им все равно — лишь бы фельдмаршал исполнял все их приказания и поручения...

Сейчас мы застаем старого Петэна в своем кабинете, беседующим со своим адъютантом.

— Мы, Филипп, — говорит Петэн адъютанту, — просим вас отыскать для нас итальянца. Есть у нас поблизости какой-нибудь сын солнечной Италии?

— Нет — так будет, — отвечает адъютант. — Наднях у нас должно появиться очень много этих самых сынов. Хоть пруд пруди.

— Мы, Филипп, в курсе этого вопроса. Мосье фюрер распорядились забрать от нас немецких солдат. Эти солдаты нужны мосье фюреру для отправки на восточный фронт. Французский народ с горечью отмечает эту потерю. Но мосье фюрер, заботясь о благе французов, обещают прислать вместо немцев итальянцев. У мосье дуче остались кое-какие остатки от победоносной африканской кампании.

— А что у нас будут делать итальянские солдаты?

— Странный вопрос! Должен же нас кто-нибудь оккупировать.

— Зачем же вам так срочно понадобился итальянец?

— Какой вы недогадливый, молодой человек! Надо же подготовиться. Мы, Филипп, старый солдат, и нельзя, чтоб вторжение итальянцев в нашу страну застало нас врасплох. Мы хотим встретить их во всеоружии.

— Осмелюсь спросить: что вы для этого собираетесь делать?

— Вы слышали, как мы разговариваем с немцами? Мы уже выучили очень много немецких слов. Это нам пригодится в жизни. Но теперь нам надо срочно, быстро, по-военному, переключиться на итальянский язык. О, как

мы, Филипп, будем разговаривать с этими новыми оккупантами! Вы же знаете, как мы умем. Резко, открыто, не стесняясь!

— О, да!

— Вот, вот. Мы, Филипп, замечаем, что вы нас понимаете.

— О, да. Но для этого вам не надо вводить французскую казну в лишние расходы. Не надо нанимать учителя-итальянца. Разрешите мне составить список наиболее ходких фраз, употребляемых при разговоре с оккупантами. После того как вы одобрите этот список, я сам по словарю сделаю для вас перевод этих фраз на итальянский язык. Что же касается произношения, акцента, то это сейчас не так важно. Главное — принять соответствующую позу при разговоре...

Минут через пятнадцать адъютант положил на стол своего начальника лист бумаги, на котором красивым почерком было написано около двух десятков наиболее ходких фраз, употребляемых при разговоре с оккупантами:

«Ничего, спасибо, я могу и поспозать».

«Слушаюсь, синьор генерал».

«Кушайте на здоровье».

«Слушаюсь, синьор полковник».

«Вам не дуает? Могу прикрывать форточку».

«Слушаюсь, синьор подполковник».

«Не стесняйтесь, курите мои сигары».

«Слушаюсь, синьор майор».

«Дуче — это светлая личность».

«Слушаюсь, синьор капитан».

«Сегодня я приказал арестовать еще двести непослушных французов».

«Слушаюсь, синьор лейтенант».

«Вы, кажется, чихнули? Желаю здравствовать»...

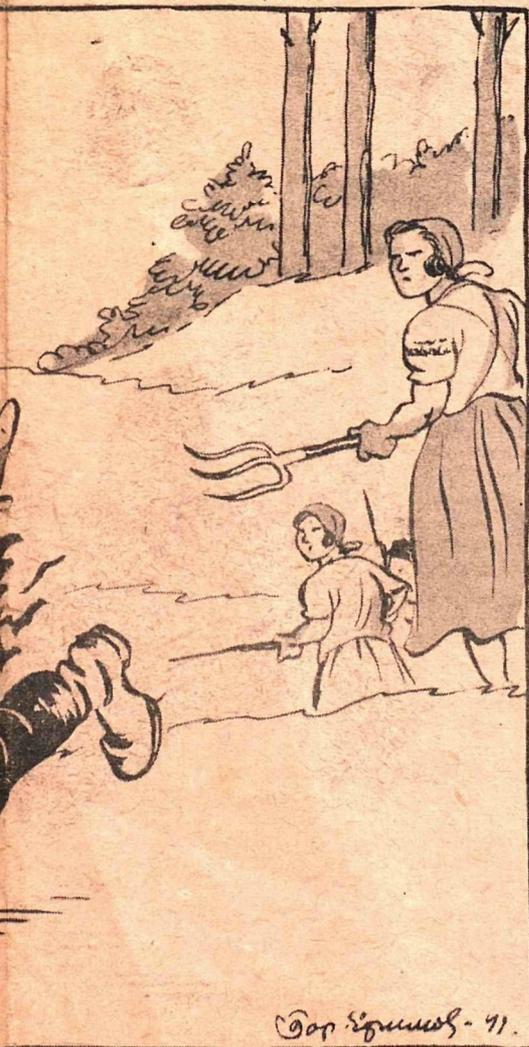
И так далее и так далее. Старый Петэн читал и одобрительно кивал своей седой солдатской головой. Вдруг чело его омрачилось:

— Послушайте... Как же это так? Вы пропустили одну очень важную и необходимую фразу. Ни на кого нельзя положиться! Обо всем приходится самому думать.

И, взяв со стола карандаш, фельдмаршал дополнил список следующей фразой:

«Слушаюсь, синьор ефрейтор».

Г. РЫКЛИН

Этот рисунок - 71

Рис. Н. Лиса

— Наша дивизия предназначалась для мощного удара на восточном фронте.
— Ну, и что же?
— Вот и получила его.

ДВА АНЕКДОТА

В шведской печати приводятся два анекдота, имеющие сейчас широкое распространение в Германии.

1

Гитлер, инспектируя восточный фронт, спросил солдата, какое было бы его последнее желание, если бы советский снаряд унал возле него.

— Я желал бы,— ответил солдат,— чтоб в этот момент мой фюрер был рядом со мной.

2

Двое прохожих увидели храброго немецкого генерала, увенчанного орденами.

— Кто это?

— Командующий, одержавший крупную победу.

— В каком секторе он командует?

— Ни в каком. Он сочиняет сводки.

Старый знакомый

КАРЛ Шмерке раньше служил в гестапо, был на хорошем счету и быстро делал карьеру.

Но потом с ним случилась неприятность: заключенные чехи в концентрационном лагере в Моравии взбунтовались и целый час топили Карла Шмерке в трехведерном котле, наполненном доверху тюремной баландой.

После этой ванны он стал заикаться, на допросах нес чепуху, а при виде котла с баландой бледнел и неприлично громко икал.

В конце концов начальник Карла однажды заявил:

— Мне надоел этот икающий кретин! Отложите его к Геббельсу.

Так Карл Шмерке стал штатным германским пропагандистом. Работу ему в министерстве пропаганды дали тихую: вести фотографический архив.

«Вот он сидит у себя за большим американским бюро, роется в фотоснимках и ворчит:

— Это не работа, а белая горячка! Разве может человек подобрать столько трупов за полчаса?»

Доктор Шнель, редактор, успокаивает старого служаку:

— Не ворчите, Шмерке, приказ есть приказ. Давайте-ка сюда снимок — труп № 8.

— Берите. Вот он, голубчик! Кем он теперь будет у нас?

— Литовской старушкой-монахиней, замученной большевиками.

— Какая же это, к дьяволу, старушка, господин доктор, когда у нее... у него усы?

— Гм... Действительно, усы. Ничего, отретушируем. В крайнем случае дадим текстовку: «Большевики утонченно издеваются над старушками. Они мажут их особым составом, заставляя отращивать себе усы». Чего вы смеетесь, Шмерке?

— Смех берет, господин доктор! Кем только у нас не был этот номер восьмой! Считайте: судетским немцем, замученным чехами, был? Был. Германским отретушированным мальчишкой, убитым поляками в Данциге, был? Был. Итальянцам мы его напрокат давали? Давали.

Карл Шмерке прогоняет усмешку и философски вздыхает:

— А я ведь его знал... восьмого. Старый знакомый. Он у меня в лагере сидел. Он поляк был — восьмой номер. Гордый такой, задиристый. Я же его и сделал этим... трупом. И вот опять встретились. Чудеса!

— Ваша лирика никому не нужна, Шмерке,— холодно замечает доктор Шнель,— надо работать. Давайте снимок «Советское боевое знамя, захваченное нашими доблестными войсками на восточном фронте».

— Получите, господин доктор. Только предупреждаю: на этом боевом знамени написано по-русски: «25-й детский сад».

— Вы бы мне еще снимок с детской пленки предложили!

— Ничего, отретушируете, сойдет за милую душу. Или вот что: припишите на этом знамени сверху, по-русски: «25-й танковый полк имени 25-го детского сада».

— Молодец, Шмерке. Вы сообразительны. Так и сделаем. Теперь дайте мне снимок на тему «Новый порядок в Европе».

— Новый порядок? Шмерке роется в папке и достает снимок.

— Что вы мне даете?! — возмущается доктор Шнель. — Виселицы какие-то.

— Виноват, не из той папки взял. Вот: «Норвежские рыбаки с воодушевлением сдают улов рыбы германским хозяйственным органам».

— Рыбки много! Это хорошо. Но уж очень лица у этих норвежцев... Я бы их за одно выражение лица расстрелял! И потом наши пулеметы сбоку, это уже лишняя деталь.

— Отретушируете, господин доктор.

— Вы опять правы, Шмерке. До свиданья! Все наши трупы держите в полной боевой готовности: могут понадобиться каждую минуту!

Леонид ЛЕНЧ

Письмо Кости Перцева

ПОМНЮ, перед отъездом на фронт говорят мне жена:

— Я тебе, Костя, бритву в мешок положила. Может, пригодится. Только ты сам никого не брей. Рука у тебя больно тяжеля. Подари бритву тому, кто с ней обращаться умеет.

Так я и сделал: приехал на фронт и отдал бритву нашему ротному парикмахеру.

С тех пор прошло уже порядком времени, и о бритве я бы совсем забыл, если бы не подвернулся один интересный случай.

А было дело так. Стою я в боевом охранении и слышу вдруг, кто-то плачет и охает. Огляделся по сторонам, смотрю: за большим камнем человек лежит.

— Товарищ! — кричит мне.— Будь другом, помоги мне в штаб дивизии попасть...

— А вы,— спрашиваю,— откуда?

— Да я,— говорит,— из соседнего полка... Контузило меня фашистской бомбой... С донесением иду...

Видя, что я задумался, он меня торопит:

— Не задерживай, браток... Устал я... Три дня во рту крошка не было... Нет ли у тебя еды какой-нибудь?

— Да кое-что,— отвечаю,— найдется. Закуска неплохая. Кушайте на здоровье.

Не успел я оглянуться, как хлеб он уже проглотил, а сало есть не решается. Любуется им и только. Глаза выпучил, весь дрожит, слюни на бороду текут, а борода у него как метла торчит. Большая, рыжая, плотная.

Как увидел я эту бороду, так прямо и крикнул от удовольствия. Вот бы где поухаживаться! И в первый раз пожалел я, что бритву подарил.

Пока я бороду разглядывал, мой контуженный быстро запрятал в шинель кусок сала. Однако притворился я, что ничего этого не заметил, и спрашиваю:

— Ну как, поели?

— Спасибо,— отвечает бородач,— теперь я и без твоей подмоги дойду. Скажи только, как мне быстрее до штаба дойти?

«Ишь,— думаю,— до чего ему приспичило». А сам молчу и все его бородой люблюсь.

Бородач даже обиделся:

— Чего ты на меня, браток, как на божью мать уставился?

— А вот у вас,— говорю,— борода как у самого Саваофа. С такой шваброй не только в штаб, а даже в баню ходить неудобно. Как хотите, а придется вам свою паклю сбрить!

Услышал эти слова бородач, побледнел и смеется сквозь зубы:

— Ну, и шутник ты парень! Я бы и сам побрился с радостью, да бритвы у меня нет, а парикмахера искать времени не имею.

Подумал я, подумал да решил помочь человеку. И хотя говорят, что без бритвы не побриешься, а все-таки пошел я на риск. Обойдусь и без бритвы. Вот только больновато клиенту будет, но если брить под наркозом, то никакой боли он и не почувствует.

Выбрал я момент поудобней, да как стукну бородача прикладом по голове, так он даже слова сказать не успел. Лежит и молчит.

Ну, а после этого прислушался к бритью. Брить пришлось голыми руками. Схватил я в кулак бородачу, потянул ее как следует — она у меня вся в руке и осталась.

И до того чисто побрил, что прямо не узнать человека.

В это время и командир подошел. Обыскали мы моего клиента, видим: документы немецкие, словарь русский, а газеты финские, а в потайном кармане еще две бороды запасные и клей специальный.

На этом я свое письмо заканчиваю и шлю вам, товарищи бойцы, свои лучшие пожелания.

С приветом
красноармеец КОСТЯ ПЕРЦЕВ

Немец обезьяну выдумал. А обезьяна выдумывает все, что угодно.

Читатель — Крокодилу

Дорогой Крокодил!

Извещаю, любя
И всегда на услуги готовый,
Что опасность грозит тебе.

Знай: у тебя
«Конкурент» появляется новый.
Ты работать его пригласил бы навряд,
Но остряк этот наглый и рьяный
Самовольно, подряд, словно взял он подряд,
Подбирает себе материалы.

1. Нанеся коварно на нашу страну,
Заявил современный Аттила:
«В двадцать дней я победно закончу войну».
Да ведь это же для Крокодила!
2. Чтоб замарать своей авиации крак,
Сводки Геринга нам заявили:
«Самолеты Союза разгромлены врагах».
Да ведь это же для Крокодила!
3. Вся Европа пошла на фашиста стеной,
Партизаны громят его с тыла.
А «остряк» объявляет: «Европа со мной!»
Да ведь это же для Крокодила!

Трех примеров достаточно. Хватит. Так вот:
Говорит нам всемирное эхо,
Что их крик, и бляцкрик, и крестовый поход
Были б лишь материалом для смеха,
Но разбойной и подлой войной «остряки»
Дополняют свой стиль балаганный.
Что ж! Пускай гонораром им будут штыки,
И свинец, и огонь ураганный!

ЧИТАТЕЛЬ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 46, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц. Изд-во „Правда“.

А 43545. Москва, Изд. № 865

Подписано к печати 14/VIII 1941 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78000

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2390.

Тираж 271 000 экз.

По случаю награждения партизан ночью в лесу была устроена горячая встреча с германским танковым отрядом.